

Сав. искусство
29. I. 1935. г. Москва.

Сав.
иск.
29 I
1935

ВСТРЕЧА НА УРАЛЕ

Мое знакомство с Чеховым относится к июню 1902 г. Мы встретились на Урале в имении Саввы Морозова, где Чехов пробыл несколько дней. Случилось так, что почти все эти дни Чехову пришлось провести вдвоем со мной, с глазу на глаз в большом пустынном доме.

Стояла африканская жара, без ветерка, без прохлады даже ночью. Чехов, изнывая от зноя, бесцельно слонялся по парку, давил тростью червячков, читал в садовой беседке приложения к «Ниве» и каждый час спрашивал у горничной, нет ли телеграмм из Москвы, где он оставил больную жену. Его томилно безлюдье, безделье и кашель.

Вероятно, в этот именно день он написал Вл. Ив. Немировичу-Данченко: «Пишу тебе сие чорт знает откуда, из северной части Пермской губернии. Если проведешь пальцем по Каме, вверх от Перми, то уткнешься в Усолье, так вот я именно около этого Усолья... Жизнь здесь серая, неинтересная, и если избра-

зить ее в пьесе, то слишком тяжелой...»

Хорошо, что Чехов не написал такой пьесы, иначе мне пришлось бы играть в ней незавидную роль! В самом деле, положение мое было в высокой степени нелепым. Навязанный насильно совершенно незнакомому человеку в качестве гостеприимного хозяина и единственного собеседника, я ни в какой мере не годился ни для того, ни для другого. Застенчивый и неуклюжий студент, я никогда в жизни своей не только не разговаривал с писателями, но даже вблизи не видал ни одного из них, об искусстве же гостеприимства знал только по книгам, и вдруг мне — быть хозяином и собеседником Чехова.

Недолго думая, я попросту сбежал от Чехова и, сославшись на спешную работу, просидел весь день у себя во флигеле, исподтишка наблюдая в окошко за своим страшным гостем.

Вечером Чехов пригласил меня пить чай на террасу. Отказаться было невозможно. После первых неуверенных, нащупывающих собеседника фраз о том, какой налить чай — крепкий или слабый, с сахаром или с варением, — речь зашла о литературе и театре.

Я начал восторженно говорить о Художественном театре. «Ведь Художественный театр — это сам Че-

хов», — думал я. — «Ничего. Театр как театр. — потасял мои восторги Чехов. По крайней мере актеры роли знают. А Москвитин — даже талантливый. В других театрах — и этого нет. Я помню в Александринском театре ставили мою «Чайку». Под суфлера. Боже мой, что только они там говорили... Вообще наши актеры еще очень некультурны и не умеют держать себя на сцене. Пока молоды, все они почему-то скребут ногами и ржут, как жеребцы, а к старости голос у них от пьянства садится в мокроту, и так они шамкают, точно говорят не ртом, а совсем другим местом».

Наступившее молчание свидетельствовало о моем полном ничтожестве. Как утопающий за соломенку, я хватался за «декадентов», которых считал «новым течением в литературе».

— Никаких декадентов нет и не было, — безжалостно доканал меня Чехов, вместе с комаром, который сел ему на руку. — Откуда вы их взяли? Во Франции — Мопассан, а у нас — я стал писать маленькие рассказы, вот и все новое направление в литературе. А насчет декадентов — так это их «Зритель» в «Новом времени» так выругал, они и обрадовались. Жулики они, а не декаденты. Гнилым товаром торгуют. Религия, мистика и всякая чертовщина! Рус-

ский мужик никогда не был религиозным, а чорта он давным давно в баню под полок упрятал. Это все они нарочно придумали, чтобы публику морочить. Вы им не верьте. И ноги у них вовсе не «бледные», а такие же, как у всех, — волосатые.

Разговор снова оборвался. Чехов невкусно, как лекарство, глотал остывший чай.

Я попробовал спорить, но неожиданные реплики Чехова, сейчас же сбили меня с толку, я запутался и в отчаянии понес такую ерунду, что самому слушать было стыдно. Но остановиться я уже не мог.

Чехов искоса, с недоброй, застрявшей в устах улыбкой поглядывал на меня и, точно поддразнивая, — так дразнят щенка, чтобы он громче лаял, — поколачивал меня время от времени все новыми и новыми парадоксами.

— Ну, какой же Леонид Андреев писатель? Это просто помощник присяжного поверенного, которые все ужасно как любят красиво говорить...

Или:
— Почему вы против Суворина? Он умный старик и любит молодежь... У него все берут в долг и никто не отдает.

Или:
— Студенты бунтуют, чтобы про-

слыть героями и легче ухаживать за барышнями...

Мне показалось, что Чехов глумится надо мной. Я обиделся до слез и свирепо замолчал.

Чехов это заметил и переменял разговор. Ласково поглядывая в мою сторону и посмеиваясь на этот раз только одними глазами, он стал рассказывать о том, как хорошо на Каме, по которой он только что проехал, и какие там вкусные стерляди.

Вставая, чтобы идти спать, он слегка обнял меня за плечо и спросил ласково, как поп на исповеди:

— А вы сами не пишете? Нет. Вот это хорошо. А то нынче студенты вместо того, чтобы учиться, либо романы пишут, либо революцией занимаются... А впрочем, — возразил он сам себе, — может быть это и лучше. Мы студентами пиво пили, а учились тоже плохо. Вот и вышли такими... недотепами...

Он весело рассмеялся, смакуя меткое слово, ставшее впоследствии таким знаменитым.

Когда через несколько месяцев в Москве его спросили о нашей встрече, он сказал с улыбкой:

— Как же, помню! Такой горячий, белокурый студент. — И после паузы прибавил: — Студенты часто бывают белокурými...

А. ТИХОНОВ